

Максим Горький

Романтик

Максим Горький

Романтик

«Public Domain»

1910

Горький М.

Романтик / М. Горький — «Public Domain», 1910

«Жил-был Фома Вараксин, столяр, двадцати пяти лет, человек весьма нелепый: череп у него – большой, с висков – сжат, а к затылку – удлинён; тяжёлый затылок оттягивал стриженую голову назад, Фома ходил по земле вздёрнув широкий нос вверх – издали казалось, что он хочет заносчиво крикнуть кому-то: “Ну-ка, тронь, попробуй!” Но при первом же взгляде на его расплывчатое лицо с большим ртом и глазами неопределённого цвета становилось ясно, что это идёт парень добродушный и как бы радостно смущённый чем-то...»

Максим Горький

Романтик

Жил-был Фома Вараксин, столяр, двадцати пяти лет, человек весьма нелепый: череп у него – большой, с висков – сжат, а к затылку – удлинён; тяжёлый затылок оттягивал стриженую голову назад, Фома ходил по земле вздёрнув широкий нос вверх – издали казалось, что он хочет заносчиво крикнуть кому-то:

«Ну-ка, тронь, попробуй!»

Но при первом же взгляде на его расплывчатое лицо с большим ртом и глазами неопределённого цвета становилось ясно, что это идёт парень добродушный и как бы радостно смущённый чем-то.

Его товарищ Алексей Сомов, тоже столяр, сказал однажды Фоме:

– Экая у тебя рожа пустынная! Хоть бы ты себе брови наклеил, а то на всей филёнке только нос торчит, да и тот скверно вырезан!

– Действительно, – согласился Фома, пощупав пальцем верхнюю губу, – красоты лица не хватает несколько мне, ну – зато Поля говорила, глаза у меня хороши!

– Не верь: это она для того, чтобы ты ей лишнюю бутылку пива поставил.

Алексей был моложе Фомы на два года, но – пять месяцев сидел в тюрьме, много прочитал разных книг, и когда не хотел, не мог или ленился понять товарища, то говорил ему:

– Это буржуазный предрассудок. Утопия. Надо знать историю культуры. Ты классовых противоречий не понимаешь.

Он ввёл Фому в кружок, где маленький, остроносый товарищ Марк, размахивая руками, похожими на птичьи лапки, скороговоркой рассказывал о рабочем движении на Западе, – Фоме сразу понравились эти рассказы, и после нескольких чтений он, прижимая руку, пропитанную лаком, ко груди, разливался:

– Это я понимаю, Алёша! Это действительно! Существует...

Сухой, ехидный Сомов, прищурился зеленоватые глаза и поджимая губы, спрашивал:

– Что – существует?

– Это самое влечение к соединению человек – это есть! Примерно я: мне всё равно крестный ход, пожар, гулянье – вообще ежели где народ собрался, то меня туда нестерпимо тянет! Народ! Вот тоже церковь – почему я в церковь люблю ходить? Собрание душ потому что!

– Это пройдёт с тобой! – пообещал Алексей, усмехаясь. – Когда ты усвоишь идею...

Фома ударил себя в грудь кулаком, радостно воскликнув:

Я её усвоил! Вот она, тут! Её-то я прежде всего и схватил. Теперь она для меня как божья мать всех скорбящих радость...

– Поехал!

– Нет, погоди: приидите ко мне все труждающиеся и обременённые – так? Она?

– Да ведь это, чудак ты, евангелие!

– Ничего не значит! Она, я так понимаю, везде одна и та же. Виды – разные, рисунок разный, а образ один! Мать любви она! Верно?

Когда Алексей сердился, его верхняя губа поднималась вверх, острый нос вздрагивал, и зелёные зрачки округлялись, точно у птицы. Сухим голосом, который на верхних нотах странно трещал, и какими-то щёлкающими словами Алексей подробно и внушительно убеждал товарища, что он – утопист, что в нём спит классовое сознание и, можно думать, не проснется оно никогда, ибо Фома воспитывался в доме священника, где мать его служила кухаркой и где ему отравили душу буржуазными предрассудками и суевериями.

– Алёш! – убедительно восклицал Фома. – Ей-богу – нисколько не отравили! Совсем наоборот! Маленький, я даже, например, не ходил в церковь. Господи – ну разве стану я тебе

врать? Это уж потом вот, когда я начал читать и вообще – ну, потянуло меня к людям! Тут не церковь, а, понимаешь, спайка душ! Идея тут! О чём разговор идёт? Братцы – постыдитесь, разве можно так жить? Разве вы зверьё? Внушение любви и совести, Алёша, вот главное, как я понимаю! Верно?

– Нет, это не верно! – Алексей, сердясь, всё больше кипел, на скулах у него являлись багровые пятна, и Фоме часто казалось, что он щёлкает его словами по носу, точно картами при игре в носки.

Фома смущённо молчал, потирая голову, порою виноватым голосом старался успокоить товарища:

– Я ведь, Алёша, понимаю! Конечно – борьба! Само собой разумеется, – тут уж держись! Но, сбиваясь с тона, вдруг сам начинал убедительно доказывать:

– Я ведь, видишь ли, только насчёт человека: человек вообще – что такое? Разве я долото? Ведь ежели, скажем, тобой долбить начнут, так ведь по тебе молотком стучают, – вот я насчёт чего! Человек – не инструмент, – верно? И опять же: конечно – борьба! Что там говорить! Но – апостольское-то, идея-то, которая всеобщая... всемирное примирение... чтобы на земле – мир и в человецех...

Иногда Алексей, замолчав, долго смотрел на товарища презрительно вытаращенными глазами и наконец говорил, точно уши обрубая Фоме:

– Нет, ты глуп! Путаная у тебя башка, – навсегда это!

Иногда же угрожал ему, холодно и внушительно:

– Вот погоди, – скоро начнём читать историю культуры – увидишь!

Фома – сокращался: непонятные слова всегда несколько угнетали его, возбуждая почтение к людям, которые говорили их, и вызывая странные образы. Утопия рисовалась ему кочковатым болотом, всё оно покрыто чахлой зарослью, и по зябким кочкам идёт, простирая руки вдаль, женщина с лицом богородицы, вся в белом и, как всегда, облечённая великой грустью матери, идёт безмолвно, с тихими слезами на глазах. Он не однажды слышал слова «религиозный культ», и культура представлялась ему торжественным богослужением, подобным пасхальной заутрене. Постепенно ему стало казаться, что эта мудрая наука может развязать все узлы запутанных вопросов, привести в порядок все мысли, облить всю пестроту красок жизни одним ровным и горячим светом. Говорил он много, восторженно захлёбываясь словами и всегда глядя прямо в лицо собеседника мутным и точно пьяным взглядом. Каждая новая мысль, входившая в его сознание, вызывала у Фомы быстрый поток слов – он махал руками, негромко и радостно восклицая:

– Замечательно! Вот именно! Очень просто!

Сначала товарищи по кружку и мастерской слушали его внимательно, с любопытством, но скоро догадались, что Фома просто – болтун, а мрачный слесарь Егор Кашин не однажды советовал ему:

– Отрежь ты себе половину языка, пустозвон!

Но это не охлаждало Вараксина – он смотрел на всех дружелюбно и неугомонно журчал, как весенний ручей.

Когда он пришёл на первое чтение по истории культуры и увидел, что читать будет маленькая, пухлая, голубоглазая барышня, гладко причёсанная, с толстой косой, – он почувствовал печальное недоумение и всё время старался не смотреть на барышню.

Но всё-таки видел, что она конфузится, безуспешно стараясь придать детскому лицу серьёзное выражение, говорит торопливо, несвязно, а когда её спросят о чём-нибудь – лицо её вспыхивает ярким румянцем, и глаза часто, растерянно мигают. Беленькая и чистая, она возбуждала в нём чувство жалости.

«Видно – первый раз», – думал Фома, пристально разглядывая тёмную сырую стену над её головой. Его удивляло, что она говорит о молниях, тучах, закате солнца, о богатырях сказок,

греческих богах, – он не мог уловить никакой связи во всём этом и, идя домой с Алексеем, жаловался ему:

– Это, Алёша, не вышло! Тут бы на такой предмет совсем другого человека надо поставить, солидного, даже – с сединой эдак бы... и голос густой... чтобы как двенадцать евангелиев читалось это!

Сомов тоже был недоволен и ворчал, сердито посапывая носом:

– Назначили... лягушонка какого-то! Очень мне нужно знать, кто такое Змей Горыныч... Нам очень хорошо известно, кто он, – ты расскажи, как его побороть...

– Лучше бы она уж прямо по этой толстенькой книжке катала! – сожалея, говорил Фома, но, скоро забыв о неудаче, он продолжал в обычном тоне благодушных мечтаний: – А хорошо, брат Алёша, что вот приходит в нашу грубую компанию эдакая маленькая личность, и – как замечательно это! – пожалуйста, вот, что я знаю, не угодно ли послушать! О-очень хорошо! Так примыкая друг ко другу и...

– Повёз ерунду! – сурово остановил его Алексей.

– Почему же – ерунда? – настаивал Фома мягко и ласково. – Вот, ты говоришь – класс, а какой она, примерно, класс? Просто добренькая барышня. Совестно ей жить в окружении людей, нам подобных, и вот...

– Когда из тебя вся эта патока вытечет? – возмутился Сомов. – Какая там совесть? Необходимость – вот тебе совесть! Будь у них другое место, куда идти, – они пойдут где легче, а не к нам, не мечтай!

Фома посмотрел вдоль улицы на огненные чётки фонарей и спросил:

– Так они – поневоле, думаешь?

– Ну конечно...

– Н-да? – сказал Вараксин, дёрнув головой вверх. – Н-не верится мне однако!

– Почему?

– Что хорошего – поневоле жить? Если я – краснодеревец и к работе своей привык – мне плотничная работа просто даже обидна, – верно? А они вроде как бы брёвна тешут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.